

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ХІІІ ЛЕОНТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ О МЕТОДОЛОГИИ, ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В рамках ежегодно проводимых Международным центром социально-экономических исследований «Леонтьевский центр» (Санкт-Петербург) Леонтьевских чтений в феврале 2014 г. были представлены три крупных направления: «Экономические учения: методология, история и современность», «Экономический анализ мировой экономики и международных отношений» и «Социально-экономические процессы в российском обществе».

В качестве одного из наиболее развернутых выступлений следует признать доклад докт. экон. наук, профессора *А. Е. Шаптурко* (МГУ), где было рассказано о методологическом статусе новой институциональной экономической теории (НИЭТ). Наиболее интересной частью представленного материала оказался сравнительный анализ НИЭТ с альтернативными направлениями экономической мысли: традиционным институционализмом, австрийской экономической школой, неоклассикой, которые сводились к тому, что НИЭТ нормальная исследовательская программа, являющаяся «прививкой от догматизма и методологического нигилизма».

В выступлении канд. экон. наук, профессора *А. П. Заостровцева* (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) речь шла о различных трактовках экономистами истории. В итоге сравнения подходов Д. Лала, Д. Норта, Л. фон Мизеса и Д. МакКлоски докладчик пришел к выводу о том, что поиск источников ключевых исторических перемен, процветания и отсталости все чаще приводят экономистов к нематериальным причинам (убеждения, идеи, общественное мнение и т. п.).

Канд. экон. наук *Я. Ч. Романчук* (директор Института Мизеса, Беларусь), как приверженец австрийской школы, посвятил свое выступление кризису теории государственного интервенционизма. По его мнению, наблюдается тупик теоретического мейнстрима, Запад потерял авторитет и статус «ролевой модели», доминирует большое и недисциплинированное государство, а также общий дух иждивенчества и острый дефицит склонности к предпринимательству.

Проблемы и перспективы методологии экономических исследований оказались в центре внимания канд. экон. наук, доцента *А. А. Раквиашвили* (МГУ). Среди перечисленных проблем: несоответствие критериев научности, имитация научности, тавтология вместо методологии, игнорирование логики.

Член-корреспондент РАН, профессор *В. С. Автономов* (НИУ ВШЭ, Москва) выбрал темой доклада ключевой следующий вопрос: «Есть ли связь между экономической методологией и экономической политикой?». По мнению Автономова, макроэкономические концепции последних семи десятилетий можно разделить по онтологическим и эпистемологическим критериям. В основе первого лежит вера или неверие в самодостаточность свободного рынка и, соответственно, в степень необходимость государственного вмешательства. Новым шагом в развитии экономической теории может стать разработка формальных моделей неполной адекватности как рыночной экономики, так и государственного вмешательства.

Доктор наук *Гвидо Хюльсман* (Университет Анжера, Франция) — автор переведенной недавно в России научной биографии Мизеса «Последний рыцарь ли-

берализма». Однако в этот приезд в Россию он говорил не о Мизесе, а о выпуске фиатных денег и вытекающим из него распределении доходов и богатств. Представив типичную для представителя австрийской экономической школы критику современной организации денежной системы, он далее показал, что именно она отвечает за тот факт, что средние доходы занятых торговлей ценными бумагами в США в несколько раз превышают таковые в частном секторе в целом.

Канд. экон. наук, доцент *А. В. Ковалев* (Европейский гуманитарный университет, Литва) в докладе «Австрийская теория бизнес-цикла: методология и исходные допущения как конкурентные преимущества» отметил, что австрийская теория бизнес-цикла оказалась жизнеспособной в силу реалистичности методологии и гораздо большей приближенности к реальности по сравнению с другими школами экономической мысли.

Проблемы монетарной экономики были подняты канд. экон. наук, доцентом *И. В. Розмаинским* (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург). Рассматривались вопросы о новой трактовке мотива предосторожности спроса на деньги в теории Кейнса. В условиях высокой степени неопределенности спрос по мотиву предосторожности предъявляется уже не на деньги, а на суррогатные средства накопления. В современной России наблюдается именно такая ситуация.

Выступления по второму направлению открыл докт. экон. наук, профессор *С. М. Кадочников* (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург). Он представлял совместное с *А. А. Федюниной* исследование «Разнообразие экспорта и институты: влияет ли институциональная среда на выживаемость экспортных потоков российских регионов?». В нем утверждалось, что в период 2002—2010 гг. темп роста экспорта регионов России характеризовался существенной гетерогенностью: экспорт одних регионов увеличивался за счет объемов, экспорт других — за счет увеличения товарного и географического разнообразия.

Польский экономист *Марек Домбровский* (CASE, Варшава) говорил о средних и долгосрочных перспективах роста мировой экономики. В итоге он сосредоточился на барьерах роста. В развитых странах (особенно в странах ЕС) таковыми являются: отрицательные демографические тенденции, высокие трудовые издержки, неэластичность рынков труда, чрезмерная социальная нагрузка, высокие госрасходы и налоги, высокий государственный долг, зарегулированность внутренних рынков.

Докт. физ.-мат. наук, профессор *В. Д. Матвеев* (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) исследовал роль промежуточных товаров в экономическом росте и мировой торговле. Его выводы состояли в следующем: во взаимозависимом мире особую роль играет эластичность замещения промежуточных товаров и другие параметры производственной функции, они, в свою очередь, зависят от политики и институтов, изменение параметров с легкостью приводит к изменениям в мерах развития (таким образом может быть объяснен последний кризис).

В совместном труде докт. экон. наук, профессора *В. Л. Тамбовцева* и канд. экон. наук *Л. А. Валитовой* (МГУ) произведен подсчет цены экономической свободы. Авторы ставят вопрос: сколько теряет Россия в доходе на душу населения за счет невысокого уровня экономической свободы (при текущих параметрах системы образования, расходов на поддержку инноваций)? Их вывод таков: если бы Правительство РФ изменяло не формальные параметры правил, а повысило бы реальный уровень экономической свободы в стране, ВНД на душу населения мог бы вырастикратно.

Вопросам современного потребительского выбора, его тенденциям и противоречиям было посвящено выступление докт. экон. наук, профессора *П. М. Лукичева* (СПбГУКиИ). Он исходил из того, что в термине, характеризующем по-

требительское поведение и широко используемом в экономической науке, две составляющие — выбор и потребитель. Оба этих фактора радикально изменились за последние десятилетия, в то время как теоретические представления остались на прежнем уровне.

В докладе канд. социол. наук *М. Г. Мацкевич* (СИ РАН, Санкт-Петербург) «Восприятие российских экономических преобразований различными социальными группами: тенденции и динамика с начала 1990-х гг.» отмечалось уменьшение важности проблем и страхов второй половины 1990-х (инфляция, нищета, безработица, «экономическая катастрофа», «гражданская война», терроризм). В то же время негативное восприятие реформ во многом связано с тем, что понималось населением под реформами.

Завершал программу выступлений по тематике конференции доклад канд. экон. наук, доцента *П. В. Усанова* (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) «Постсоветская экономика в свете австрийской школы». По мнению Усанова, наиболее значимый результат структурных реформ передача государственной собственности в руки представителей номенклатуры, спецслужб, криминала. Наиболее важный институциональный результат разрушение пусть несовершенного, но существовавшего правового порядка в России.

Завершали конференцию церемония награждения, проведенная докт. экон. наук *С. А. Васильевым* и канд. экон. наук *И. А. Карелиной*, и доклады очередных лауреатов международной Леонтьевской медали «За вклад в реформирование экономики». *С. М. Игнатьев* констатировал, что очень важно, чтобы правительство продолжило проводить жесткую бюджетную политику с целевым дефицитом федерального бюджета не более 1% ВВП и предельным отношением госдолга к ВВП не более 15%, максимум 20% (для нас 20% — это как 80% для европейских стран).

Лучшее, что может сделать для экономического роста Центральный банк — это обеспечить низкие и стабильные темпы инфляции и поддерживать финансовую стабильность. Предложения о том, чтобы в интересах экономического роста резко стимулировать кредитную активность российских банков или манипулировать курсом рубля, докладчик разделяет.

Если изменить структуру расходов бюджета в пользу расходов, направленных на экономическое развитие, обеспечить жесткую публичную экспертизу крупных инвестиционных проектов, улучшить государственное регулирование экономики, то можно повысить среднегодовые темпы экономического роста до 3,5%. В этом случае доля России в мировом ВВП не будет снижаться. Если просто плыть по течению, то вряд ли можно достичь средних темпов роста более 2% в год.

В выступлении второго лауреата Леонтьевской медали — реформатора и экономиста *В. Клауса* (президента Чехии в 2003—2013 гг.) наибольший интерес представляла его оценка преобразований на пути от социализма к рыночной экономике. Согласно его точке зрения, политики, вышедшие из научных кругов (как и он сам) поняли очень быстро, что все эти изощренные теории оптимальной последовательности реформенных мер были практически неприменимы.

Клаус выделил две важные темы: во-первых, макроэкономическая дилемма: либерализация цен и внешней торговли или создание стабильной макроэкономической ситуации; во-вторых, институциональная дилемма — либерализация, дерегулирование, приватизация до или после того, как выстроена прочная институциональная структура?

Для большинства экономистов первая тема была концептуально сравнительно простой. Они знали, что нельзя либерализовать цены и внешнюю торговлю, не достигнув определенного уровня макроэкономического равновесия, иначе либерализация приведет к галопирующей инфляции или гиперинфляции вмес-

те с огромным отрицательным сальдо платежного баланса. Поэтому наш первый посткоммунистический государственный бюджет за 1990 г. был профицитным.

Вторая тема была и остается спорной. Наши различные, порой очень шумные критики — академичные, оторванные от реальности экономисты, особенно приверженцы всех вариантов институциональной школы; политические оппоненты всех видов и расцветок, резко настроенные против радикальных и фундаментальных системных изменений; верующие во все виды третьих путей и в то, что сложное человеческое сообщество можно эффективно и продуктивно вдохновить сверху — приводили самые разные и противоречивые аргументы, утверждая, что можно было бы задержать быстроменяющиеся спонтанные процессы, пока правительство не обеспечит «эффективную» институциональную основу. Наши оппоненты не видели или не хотели видеть, что это были трансформационные мероприятия с объективно различными сроками исполнения и что внедрение и реализация этих мер могут не совпадать во времени. Институциональная верховенства права должна развиваться, она не может быть «внедрена».

Вновь и вновь меня изумляет, что мы до сих пор натываемся на политически заманчивую, но в реальности несуществующую дилемму: «шоковая терапия» против градуализма. Все те, кто был вовлечен в реальный процесс (а не просто комментировал или критиковал его), уже годами утверждают, что такого выбора никогда не существовало.

Критика в адрес почти всех подлинных реформаторов как проводников «шоковой терапии» является несправедливым политическим обвинением. Градуализм не есть программа. Это есть и был удобный способ избежать реальных преобразований.

А. П. Заостровцев,
канд. экон. наук,

Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики (Санкт-Петербург)